
Ты меня, дорогая, за всякое там прости –
За не пойманных бабочек и за пойманный щебет птичий,
А придется мимо нашего старого дома идти,
Постучи тихонько и мелодично.

Там уже никого, но хотя бы разбудишь то,
Что как будто на патефонной игле застыло,
Это сейчас мы знаем, что с нами было потом,
А тогда у гаданий разных судьбу вырывали силой:

Зажигали свечи, бросали туфли и проч.

Я – с разбитым коленом, ты – с вечной ангиной.
Помнишь, как играли? А страшные сказки, ночь?
Все цветы надоели мне, кроме одной георгины,

Ой... или розы красной с каплей нежной росы,
Мы с тобою с тех пор не изменились ни грамма.
Как из одуванчиков пыльных, вместе с тобой росли,
А теперь, гляди, кому – мачехой, кому – мамой.

Это память твоя говорит спросонок,
Сладкой ватой мельтеша,
Знай, что каждый из нас в душе ребенок,
Каждый третий из нас – левша,

Переросший пальто, проболевший корью,
Сквозь буран идущий пешком
В нелюбимый сад и скоро – в школу,
С горки катящийся кувырком.

Вот он ест пломбир, вот шмыгает носом,
Вот запачкал руки в песке.
Вот бранилась мать, мол, где тебя носит,
А сама ушла налегке.

Ускоряется август: брусника, ирга, ежевика,
Солнце мягко роняет на лес белокурую прядь.
Что случилось с тобой и со всеми, скажи-ка?
Мы совсем разучились друг друга в лицо узнавать.

Среди долгого сна, среди звездного шума –
Ломоть лета и осени след, незаметный для глаз.
Вот случится зима, утопай среди этих вещей и думай
О трамвае, везущем в бескрайнюю облачность нас.

Мимо ив и пруда, по Покровке, вдоль кинотеатра.
Там на четверть – дожди, остальное – снега, там
Мы расходуем жизнь на сегодня, вчера и на завтра
С невесомой беспечностью, свойственной нашим годам.

Оставайся таким, я таким тебя помню и слышу,
Ты сидишь с нами рядом в трамвае полупустом,
С тихой грустью в глазах, с роковой судьбой под мышкой,
С повторяющим длинные строки из Библии ртом.

Продолжайся в прозрачной воде, в колокольном дин-доне,
В аромате антоновских яблок, роняющих стук
В золотую траву, в листьях клена, раскрывших ладони.
Это твой не последний, не первый, не следующий круг.

Ни слову быстрому, ни воробью
Не воротить того, что говорю

Тебе, шагнувшему второй ногой,
С зимой повенчанному, с ее водой.

Тебе там нравится? Там хорошо?
Зачем ушел ты? – Я не ушел.

Вот длится солнца горячий круг,
Вот длится сердце – тук-тук.

Я шлю за море, за много верст,
Немного света, улыбки горсть,

Щепотку взгляда, ломоть руки –
Тебе, стоящему у той реки.

Я убаюкаю, уберегу
Твое стояние на берегу.

Как такое с тобой могло случиться –
Слово недоброе, сердце, судьба, ключица?
Слышишь мой тихий голос, молитвой полный?
Ты теперь только то, о чем я помню,
То, что трогала, грела, кутала в одеяло,
Соединяла с собой, от себя отделяла,
Прятала ото всех в стихотворной речи,
Не отпускала, но отпустила в вечность.

Был мне раньше пречистый пруд
По колено, теперь – по грудь,
Там отныне другие пьют.

Не ходи туда, сил не трать
На ночь глядя или с утра,
Это я тебе – как сестра...

Эх, да что там с сестры-то брать! –
Я тебе – настоящий брат.
Вот уже столько лет подряд

Время с нами и так, и тик.
Льется небо за воротник,
Ты мне шлешь журавлиный клик,

Я в ответ кликну мышью, лишь
Я одна слышу эту тишь,
Когда ты, не касаясь крыш...

Взвали на плечи грузное вчера,
Пусть запирает первый гололед
Твои следы, жужжит внутри пчела
И производит стихотворный мед.

Ложись всей тяжелой грустью на кровать,
Без снов и снега наступает год,
А все и впрямь – трава, трава, трава,
Так набивай кириллицею рот,

Спеши сказать «люблю» и «навсегда»,
Назвать все вещи, полные красот.
Пусть обитает водная среда
В стихах про слово, что уже вот-вот.

Если ты спросишь о том, что я знаю о феврале –
Комната, книжная полка, чай на столе.

Знаю, как студит, кружится, хрустит, рассыпается снег,
Мысль переходит в явь, затеваясь во сне.

Пару слов подберешь и бросаешь на произвол
Русской речи, с деревом спорит ствол.

Только войдешь – привет и пора идти –
Ночь проглотила ломоть циферблата от двух до пяти.

Дальше – лишь тишина, не сдвинуть с места.
И хорошо, никому не друг, никому не-веста.

Надвинь на брови северные сны,
Чтоб схорониться от других увечий,
Так много раз дожил ты до весны
Пред тем, как навсегда в сугроб улечься.

Среди заполонивших сны картин
Что было, не было на самом деле?
Слоняешься по комнате один,
Никто тебе кровати не постелет,

Не улыбнется и лица овал
Не повернет, не позовет обедать.
Всех тех, кого когда-то целовал,
Ты предал.

Нет теперь никого вокруг,
Кто бы твой залечил недуг,

Тот, с кем в воду, огонь, по ком
Слезы льешь. За семь верст пешком

Не ходи за ним, эй, постой.
Отведи себя в дом пустой,

Ты теперь всему голова,
Вынимай из тела слова,

Строй их в долгий, короткий ряд,
Пусть они с тобой говорят.

Взаперти от болез-невзгод
В своей комнате тычет в «Ворд» –
Каждый сам себе жив и мертв,
Каждый сам себе – кот.

Скажет слово и вложит в уши,
Жжет глаголом и сам же тушит,
Сам себе наливает в кружки,
Каждый сам себе – Пушкин.

И вот на целом свете никому
Ни друг, ни брат, родной земле – не пахарь.
Ты горько пьешь, поскольку жизнь – не сахар,
И тратишь свои дни по одному –
На месяцы, на зимы и на годы.
В промозглой темноте кому угодно
Ты говоришь, и речь твоя не врет,
Когда слова не попадают в рот.